

DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-8-22

УДК 93/94

«ДНИ ТУРБИНЫХ» М.А. БУЛГАКОВА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

Култышев Павел Геннадьевич

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
pgkultyshev@sfedu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу пьесы М.А. Булгакова «Дни Турбиных» в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне в России. Автор обращается к истории появления пьесы и ее премьере на сцене МХАТа, а также прослеживает путь до ее первой открытой публикации в СССР в 1955 г. В статье показано, как поднятые в пьесе вопросы и проблемы бросили вызов довлеющему советскому нарративу о Гражданской войне. Вместо привычной демонизации «белых» М.А. Булгаков создает живые, многогранные образы, погружая зрителя в мир нравственных выборов и психологических коллизий. Через драму семьи Турбиных писатель раскрывает кризис идентичности, бессилие человека перед масштабными событиями военно-революционного времени и подвижность морально-этических рамок, ставшую отражением более масштабного кризиса, охватившего все российское общество в тот период.

Ключевые слова: Гражданская война, историческая память, «Дни Турбиных», Михаил Булгаков, СССР, белое движение, большевики.

Цитирование: Култышев П.Г. «Дни Турбиных» М.А. Булгакова в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне в России // Новое прошлое / The New Past. 2026. № 1. С. 8–22. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-8-22 / Kultyshv P.G. "The Days of the Turbins" by M.A. Bulgakov in the context of the formation of historical memory of the Civil War in Russia, in Novoe Proshloe / The New Past. 2026. No. 1. Pp. 8–22. DOI 10.18522/2500-3224-2026-1-8-22.

© Култышев П.Г., 2026

“THE DAYS OF THE TURBINS” BY M.A. BULGAKOV IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA

Kultyshev Pavel G.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
pgkultyshev@sfedu.ru

Abstract. This article analyzes Mikhail Bulgakov’s play “The Days of the Turbins” in the context of the formation of historical memory of the Russian Civil War. The author examines the play’s origins and its premiere at the Moscow Art Theater, tracing its path to its first public publication in the USSR in 1955. The article demonstrates how the questions and issues raised in the play challenged the dominant Soviet narrative about the Civil War. Instead of the usual demonization of the “Whites”, Mikhail Bulgakov creates vibrant, multifaceted characters, immersing the viewer in a world of moral choices and psychological conflicts. Through the drama of the Turbin family, the writer reveals an identity crisis, the powerlessness of individuals in the face of the massive events of the military-revolutionary era, and the fluidity of moral and ethical frameworks, which became a reflection of the larger crisis that engulfed all of Russian society during that period.

Keywords: Civil War, historical memory, Days of the Turbins, Mikhail Bulgakov, USSR, White Movement, Bolsheviks.

В 2026 г. пьеса М.А. Булгакова «Дни Турбиных» отмечает вековой юбилей. Это произведение стало значимым событием в литературе и театральном искусстве, поскольку обозначило поворотный момент в осмыслении Гражданской войны в России. Появился новый взгляд на недавнее прошлое, где проигравшие «белые» были представлены не как карикатурные враги, а как люди со своими страхами, ошибками и стремлением сохранить ускользающее прошлое. Путь М.А. Булгакова к этому произведению и его постановке на театральной сцене оказался стремителен, но труден и тернист. Уже в январе 1925 г. М.А. Булгаков делает первые наброски своей пьесы, положив в ее основу эпизод из своего же романа «Белая гвардия». И буквально через несколько месяцев в апреле того же года режиссер МХАТа Б.И. Вершилов предложил М.А. Булгакову, используя как более ранние авторские наброски, так и сюжетную канву «Белой гвардии», написать пьесу для постановки в театре. Осенью 1925 г. пьеса была готова. Весь следующий год М.А. Булгаков дорабатывал текст пьесы, избавляя ее от лишних подробностей и персонажей, наполняя ее динамикой и концентрируя смысл в каждой фразе. К творчеству М.А. Булгакова проявляли закономерный интерес и различные государственные органы — от Наркомпроса и Агитпропа до ОГПУ. За период работы над пьесой М.А. Булгакова вызывали на допрос, текст пьесы обсуждался на закрытых совещаниях, и все же, несмотря на все возражения, разрешение на постановку пьесы было дано.

После премьерного показа «Дни Турбиных» вызвали широчайший отклик в советском обществе. Газеты и журналы пестрели отзывами и обзорами на пьесу М.А. Булгакова, которые по своей тональности диаметрально различались. Огульная хула и понимание авторского замысла, сопряженные с литературным талантом автора, сразу же превратили пьесу М.А. Булгаков в событие года: «Как слышно из разговоров в публике, “Бронепоезд” смотрят обычно по одному разу, а “Дни Турбиных” даже по 6 раз и более; один гражданин видел “Дни Турбиных” более 20 раз, и все за плату» [Гаврилов, 2020, с. 260]. Или вот еще одно свидетельство, говорящее об особой популярности булгаковской пьесы у зрителей: «Добиться билета на “Дни Турбиных” с обычной профсоюзной скидкой — задача почти неразрешимая. При трех-четырёх спектаклях в неделю в течение двух месяцев (январь-февраль) на эти спектакли было выделено только 1620 мест» [К вопросу о снижении цен, 1927, с. 1]. За один лишь сезон 1926–1927 гг. спектакль посмотрело 113 409 зрителей [Могилевский, 1928, с. 108]. Среди зрителей были не только рядовые москвичи, но и представители советской богемы середины 1920-х гг. Но чем сильнее был зрительский ажиотаж, тем непримиримее была критика М.А. Булгакова как драматурга и носителя взглядов, не укладывающихся в официальный нарратив о Гражданской войне. Не остался в стороне от набирающего силу осуждения М.А. Булгакова и В.В. Маяковский, откликнувшийся на пьесу следующими строчками из стихотворения «Лицо классового врага»:

«На ложу
в окно театральных касс
Тыкая ногтем лаковым,
он дает социальный заказ
На “Дни Турбиных” –
Булгаковым».

И как следовало ожидать, на М.А. Булгакова как из рога изобилия посыпались абсурдные обвинения в мещанстве, упадничестве, сменовеховстве, приторной романтизации белых и отсутствии драматургического таланта. Давление на писателя было отнюдь не шуточным и грозило ему если и не скорым заключением, то неперенной высылкой за пределы СССР [Булгаков, 2022, с. 196–197]. 17 сентября 1927 г. после продолжительной травли М.А. Булгакова в советских газетах пьеса «Дни Турбиных» была снята с показа. Лишь настойчивое заступничество К.С. Станиславского, который лично писал И.В. Сталину, помогло переломить огульные обвинения в адрес писателя и его творения. И уже 12 октября того же года пьеса вернулась на сцену [Булгаков, 2022, с. 232–233]. Однако еще долгие годы ее текст не будет доступен советскому читателю. О пьесе М.А. Булгакова будут говорить, обсуждать, критиковать, возносить и низвергать, но вот читать ее будут только украдкой в сам- или тамиздате. Лишь в 1955 г. усилиями супруги писателя «Дни Турбиных» будут впервые открыто опубликованы в советском издательстве «Искусство» тиражом в 10000 экземпляров.

Высокий интерес к пьесе продолжал сохраняться на протяжении всего этого времени. Общественный резонанс пьесы подтверждает и поразительная статистика: до начала Великой Отечественной войны она была сыграна 987 раз. Это свидетельствует о глубокой потребности общества в осмыслении Гражданской войны не через призму пропаганды, а через призму человеческого опыта. Как отмечает исследователь А.В. Щитов, Булгаков показал своих героев «в момент слома, крушения трехсотлетнего порядка жизни в России» [Щитов, 2007, с. 81–85]. В центре внимания автора – социально однородная среда русской военной интеллигенции. На примере семьи Турбиных и близких ей людей Булгаков исследует процессы, происходящие в сознании людей одного типа культуры, которые делают гражданский и личный выбор между противоборствующими сторонами.

Близость и сочувствие автора героям, оказавшимся в годы Гражданской войны в лагере антибольшевистских сил, обусловлены духовной, культурной и кровной связью Булгакова с российской интеллигенцией. Как пишет А.В. Щитов, «Булгакова волновала судьба людей, вышвырнутых из своей истории и не знающих, как они будут жить. Это его личная духовная коллизия – коллизия человека, который ощущал себя в собственной эпохе чужим» [Щитов, 2007, с. 81–85]. В позиции осуществления политического выбора, принятия для себя ответственного решения герои и автор сопоставимы. На это указывает исследователь театральной судьбы булгаковских пьес А.М. Смелянский. Он отмечает, что «тема Родины, тема России, с которой надо было остаться, чтобы в ней ни происходило, питались не только турбинским

пафосом. Вплоть до конца 20-х гг. это был внутренний пафос человеческой и писательской позиции Булгакова» [Смелянский, 1989, с. 81]. В определенной степени пьеса «Дни Турбиных», как и роман «Белая гвардия», стала этическим манифестом самого Булгакова о неприятии революционных перемен в их разрушительном трагизме. Оказавшись в сентябре 1926 г. на допросе в ОГПУ, Булгаков прямо и смело заявлял: «...в своих произведениях [...] проявлял критическое и неприязненное отношение к Советской России. [...] Мои симпатии были всецело на стороне белых, на отступление которых я смотрел с ужасом и недоумением» [Шенталинский, 1997, с. 176].

Ужас и недоумение охватывают и главных героев булгаковской пьесы. Алексей Турбин, Мышлаевский, Студзинский, Скоропадский – все они находятся в разной степени замешательства перед наступившими событиями. Непредсказуемость и стремительность перемен захватывает, будоражит и приводит в смятение. Чуть ли не каждый герой пьесы отмечает скоротечность и внезапность происходящего. Внезапно немцы оставляют гетмана, внезапно Тальберг бросает Елену, внезапно к Киеву подходят красные, внезапно к Турбиным приезжает и Лариосик. Внезапность происходящего от микро- до макроуровня красной нитью проходит через всю пьесу и порождает беспомощность и чувство покорности перед непреодолимой силой. Автор сознательно оставляет ее безымянной и не дает четкого определения. Она словно витает в воздухе: не просто создает фон, а фактически превращается в отдельного персонажа, который управляет ходом событий и влияет на внутренний мир действующих лиц. Благодаря этой драматургической магии мир семьи Турбиных (как внутри их квартиры, так и за ее пределами) предстает крайне хрупким и зыбким: политические союзы рассыпаются, человеческие отношения дают трещину, а завтрашний день теряет какие-либо очертания – все это усиливается с каждым новым поворотом сюжета, будущее для героев пьесы оказывается максимально непредсказуемым.

В пьесе М.А. Булгакова цепь драматических событий работает как своеобразная авторская оптика, через которую отчетливо проступает главная психологическая черта эпохи – бессилие человека перед неудержимым потоком истории. Герои, конечно же, не сдаются без боя: они напряженно ищут логику в происходящем, пытаются наметить хоть какой-то план действий, чтобы уцелеть в этом хаосе. Но судьба будто насмехается над их расчетами – едва они обретают понятную им линию жизни, как новая волна событий сметает все их задумки. Острее других это болезненное несоответствие между трезвым расчетом и жестокой реальностью чувствует Алексей Турбин. В нем сочетаются черты офицера – человека привычки и порядка – и интеллектуала, привыкшего все анализировать. Именно поэтому столкновение с иррациональностью времени и обстоятельств бьет по нему особенно сильно.

Кульминацией этого разрыва между ожиданиями и действительностью становится брошенная Мышлаевским фраза – по сути, он озвучивает общую мысль, уже ранее сформулированную Алексеем Турбиным и повторно вложенную в уста

Мышлаевского: «Народ не с нами. Народ против нас» [Булгаков, 1997, с. 377]. В этих простых словах — приговор прежним убеждениям, ключ к пониманию дальнейшей судьбы всех персонажей. Еще один яркий штрих к портрету эпохи — сцена лихорадочного обсуждения новостей. Здесь сама речь героев становится зеркалом времени: фразы обрываются на полуслове, в диалогах зияют паузы, вопросы повисают в воздухе, а ответы остаются недоговоренными. Напряжение буквально витает в атмосфере — оно читается в коротких, рубленых репликах, в сбивчивом ритме разговора. Особенно выразительно этот мотив подхвачен в финальном диалоге Николки и Студзинского: «Николка. Господа, сегодняшний вечер — великий пролог к новой исторической пьесе! Студзинский. Кому — пролог, а кому — эпилог» [Булгаков, 1997, с. 363].

В данном случае обмен репликами — это не просто бытовой диалог, а художественная метафора эпохи, где речь теряет плавность, а мысль не успевает за событиями. В таких моментах пьеса выходит за рамки бытовой драмы и становится хроникой коллективного опыта Гражданской войны — опыта, в котором внезапность стала нормой, а стабильность превратилась в иллюзию.

В годы становления советской культурной политики и формирования массовой исторической памяти о недавнем прошлом пьеса М.А. Булгакова «Дни Турбиных» прозвучала неожиданно громко и вызывающе, автор осмелился возразить идеологическим догмам, доминирующим в описании и осмыслении Гражданской войны. В 20-е гг. советская власть активно и настойчиво выстраивала унифицированную парадигму, которая бы непротиворечиво объясняла бы события военно-революционного времени 1917–1922 гг. Многогранность Гражданской войны, полная противоречий, случайностей и нестыковок, безжалостно вымарывалась и подгонялась под жесткие рамки единой схемы. Булгаков же не просто отходит от господствующего культурно-исторического шаблона, а сознательно и нарочито противостоит ему. С одной стороны — официальная интерпретация: четкая, регламентированная, нацеленная на создание единого упрощенного нарратива, который призван сплотить общество вокруг единой истории. С другой — частная, семейная память: она хранит не только факты, но и оттенки чувств, горечь утрат и надежду вопреки всему. Именно это столкновение двух миров — государственного мифа и человеческой правды — придает пьесе особую глубину и делает ее не только созвучной опыту людей прошлого, но и актуальной для многих последующих поколений. Более того, вместо привычных золотопогонников и недалеких ретроградов, олицетворяющих белое движение, драматург показывает людей, которые оказались застигнуты врасплох революционными потрясениями. Именно через семью Турбиных Булгаков раскрывает и демонстрирует масштабную национальную трагедию. Перед внимательным читателем предстают не примитивные персонажи-схемы, а живые люди, которые могут ошибаться и делать мучительный выбор в попытке сохранить человеческое достоинство на фоне крушения привычного мира. Создавая свое виденье трагедии Гражданской войны, Булгаков сталкивает различные способы осмысления истории: один — нормативный и директивный, другой — экзистенциальный

и глубоко личный. В этом столкновении обнажаются не только противоречия эпохи, но и сама природа исторической памяти — ее множественность, противоречивость и зависимость от индивидуального опыта. «Дни Турбиных» не просто отражают определенный исторический момент — они фиксируют момент кризиса интерпретации, когда официальная версия истории сталкивается с живой памятью людей. Это делает пьесу не только художественным текстом, но и важным примером инструментария по формированию коллективной памяти и культурной идентичности в условиях радикальных социальных трансформаций.

Таким образом, пьеса М.А. Булгакова «Дни Турбиных» стала вызовом официальной исторической памяти о Гражданской войне в России, предложив совершенно иной, альтернативный взгляд на события, который противоречил доминирующим идеологическим установкам эпохи. В то время как советская историография стремилась сформировать крайне негативный образ «белого движения» как контрреволюционного и враждебного, Булгаков показал его участников не как смехотворных золотопогонников и недалеких ретроградов, а как людей, переживающих нравственный кризис и желающих сохранить человеческое достоинство вопреки надвигающемуся хаосу войны. Более того, данная пьеса М.А. Булгакова стала попыткой осмыслить Гражданскую войну не через призму хрестоматийной классово-борьбы, а через призму личной человеческой трагедии [Мишуровская, 2019, с. 613–637]. Как справедливо отмечает исследователь В.И. Голдин в работе «Гражданская война в России: история и память», советская историография создавала героический нарратив о победе «красных», внедряя в массовое сознание образ Гражданской войны как борьбы прогрессивных сил с реакционными [Голдин, 2024, с. 125–138]. В таких условиях постановка «Дней Турбиных» в МХАТе в 1926 г. стала событием, которое нарушало этот идеологический шаблон. Пьеса акцентировала внимание на судьбе интеллигенции, а не на политических противостояниях и победах большевизма, что воспринималось как вызов официальной интерпретации истории. Е.В. Волков в исследовании «Гидра контрреволюции. Белое движение в культурной памяти советского общества» подчеркивает, что советская культура долгое время исключала «белых» из позитивного исторического дискурса, представляя их как врагов народа [Волков, 2008]. «Дни Турбиных» же предложили совсем иной ракурс: семья Турбиных стала символом не врага, а жертвы исторических катаклизмов.

Булгаков избегал однозначных политических оценок, сосредотачиваясь на психологизме и моральных дилеммах героев. Как пишет литературовед Л.В. Хачатурян, автор стремился показать «драматический конфликт личности и истории», где революция выступает не как политическое событие, а как личная катастрофа для каждого, кто оказался в ее водовороте [Хачатурян, 2021, с. 249–252]. Это противоречило официальной доктрине, которая требовала героизации «красных» и демонизации «белых». Историк П.И. Гришанин в статье «Белое движение и Гражданская война: историческая феноменология и историческая память» отмечает, что литература может стать вполне действенным инструментом переосмысления прошлого, формируя альтернативные нарративы [Гришанин, 2008, с. 167–172].

«Дни Турбиных» стали как раз именно таким нарративом, где память о дореволюционной культуре и ценностях не стиралась, а бережно сохранялась через призму частной жизни. Семья Турбиных, пытающаяся сбережчь привычный уклад в хаосе, стала метафорой борьбы за сохранение культурной преемственности и прежнего дореволюционного мира. Этой цели служит и исключительно пасторальное описание дома Турбиных, который становится прибежищем в дни смятений и неопределенности: «Лариосик. Господа, кремовые шторы... за ними отдыхаешь душой... забываешь о всех ужасах гражданской войны» [Булгаков, 1997, с. 323]. В своей легкости речей и мыслей Лариосик близок к другому персонажу пьесы – Николке Турбину. Бывший юнкер 18-ти лет, успевший уже потерять мать и отца, Николка тем не менее сохранил восторженный, любопытный и несколько наивный взгляд на мир. В то время как все остальные с опаской ожидают явления Петлюры или большевиков, Николка же реагирует на это шуточной песней в самом начале пьесы. Его юная ирония и горячность в отношении Тальберга и стремительных перемен может справедливо рассматриваться как некий защитный механизм, который подобно «кремовым шторам» позволял Николке до поры до времени избегать разрушительного влияния Гражданской войны.

Но, увы, как бы не были прекрасны «кремовые шторы», они были не в силах оградить семью Турбиных от внешних сил. Каждый из членов семьи и друзей Турбиных вынужден делать свой роковой выбор. И если Лариосик, как олицетворение потерянной российской интеллигенции, пытается укрыться от мира и насилия, то Алексей Турбин прямо заявляет: «В России, господа, две силы: большевики и мы. Мы еще встретимся. Вижу я более грозные времена. Вижу я... Ну, ладно! Мы не удержим Петлюру. Но ведь он ненадолго придет. А вот за ним придут большевики. Вот из-за этого я и иду! На рожон, но пойду! Потому что, когда мы встретимся с ними, дело пойдет веселее. Или мы их закопаем, или, вернее, они нас» [Булгаков, 1997, с. 326–327]. Бескомпромиссность Алексея Турбина резко контрастирует с образами Тальберга и Мышлаевского. В то время как муж Елены в эгоистическом испуге за свою жизнь спешит на немецкий поезд и бросает на произвол судьбы свою супругу, Мышлаевский в горьком и грозном отчаянье заявляет о готовности пойти на службу к большевикам, ибо «...за большевиками мужички тучей...» [Булгаков, 1997, с. 377]. Для Мышлаевского, в отличие от многих, характерна и вера в будущее России даже при большевиках. Он не заявляет, подобно Студзинскому, что «Россия кончена», а, наоборот, уверен в том, что Россия при большевиках, конечно же, прежней не будет, она будет новая и вновь великая [Булгаков, 1997, с. 378]. Есть вероятность, что пафос речей Мышлаевского и его готовность поступить на службу к большевикам стали результатом не авторского замысла, а провластного давления. С другой стороны, история Гражданской войны в России весьма богата примерами того, как бывшие офицеры царской армии с одинаковым успехом могли состоять как в РККА, так и в антибольшевистских силах [Ганин, 2018]. И М.А. Булгакову, лично пережившему трагедию Гражданской войны, наверняка это было прекрасно известно. Но так или иначе, а внутренний раскол семьи Турбиных, пока еще, быть может, не доведенный до роковой точки невозврата, прекрасно иллюстрирует противостояние внутри самой России. Часть русского офицерства, не приняв

большевистскую власть, вступила на путь борьбы с оной, другая же стала частью нового формирующегося государства. Третьи, как Шервинский, и вовсе бросили военное поприще и нашли совершенно иное дело, не связанное с армейской службой. Подобное разделение наглядно актуализирует проблему самоидентификации и определения «своих» и «чужих» в условиях Гражданской войны, вынося ее далеко за пределы булгаковской пьесы.

Художественный мир «Дней Турбиных» демонстрирует, насколько могут быть условны границы между «своими» и «чужими» в ситуации гражданского противостояния, насколько процессы самоидентификации могут быть нарушены и обесценены. Вчерашние соратники рискуют превратиться в противников, а недавние враги оказываются потенциальными союзниками. Это связано с разрушением привычных социальных, политических и культурных ориентиров, а также с динамикой военных и идеологических противостояний. Современные исследования подчеркивают, что в этих условиях категории «свой – чужой» теряли прежнюю четкость, а лояльность часто определялась внешними обстоятельствами, личными мотивами и меняющейся политической конъюнктурой [Поршнева, 2008; Скипина, Московкин, 2023]. Смежной проблемой, которую поднимает М.А. Булгаков, становится проблема «своих» и «чужих» на фоне бескомпромиссного противостояния. Как отмечает Е.С. Сенявская, «психология гражданской войны – явление особенно страшное. Поиск врага извне перемещается внутрь страны, понятия “свой – чужой” теряют прежнюю определенность, и тогда “врагом” может стать каждый, причем категории “чужеродности” постоянно меняются и расширяются. Всеобщая подозрительность, на многие десятилетия закрепившаяся в советском обществе, – прямое следствие этого процесса» [Сенявская, 1995, с. 7].

Эта трансформация границ между «своими» и «чужими», размывающая привычные ориентиры и порождающая атмосферу тотальной подозрительности, находит яркое художественное воплощение в пьесе М.А. Булгакова «Дни Турбиных». Через судьбы семьи Турбиных и их окружения драматург показывает, как в условиях Гражданской войны индивидуальное и коллективное самосознание вынуждено переосмысливать базовые ценности и свою лояльность: вчерашний сосед может оказаться «врагом», а вчерашний «враг» – потенциальным союзником. Кризис дихотомии «свой – чужой» в пьесе не просто порождает страх и отчуждение, но и запускает глубинные процессы самоопределения персонажей – они выстраивают новые системы координат, позволяющие обрести опору в стремительно меняющемся мире. Таким образом, «Дни Турбиных» не только фиксируют исторический раскол эпохи, но и раскрывают механизмы формирования идентичности в экстремальных условиях, что придает произведению особое историческое значение: оно становится художественной хроникой тех психологических и социальных трансформаций, которые определяли ход и последствия Гражданской войны.

Исследователи подчеркивают, что Гражданская война, на фоне милитаризации и раскола российского социума, усилила процессы самоопределения [Скипина, Московкин, 2023]. Она стала средством достижения относительной идентичности

социума, способного обеспечить победу стороне, имеющей цели понятные и близкие населению. В этот период образ дореволюционного прошлого, сохранившийся в исторической памяти, играл определяющую роль в самоидентификации населения. В статье В.В. Трифионовой «Конфликты идентичностей в социально-политическом дискурсе Гражданской войны» анализируется процесс радикальной трансформации социальных идентичностей в России в период Революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны [Трифионова, 2015]. Автор приходит к выводу, что победа большевиков стала возможной не только благодаря силовому захвату власти, но и в результате успешного идеологического реформатирования общественного сознания [Трифионова, 2015]. Большевики сумели предложить новые, понятные массам дискурсивные практики и ценности, которые пришли на смену разрушенным старым идентификационным моделям.

Современные историки все чаще определяют идентичность через ее конкретные проявления и дополнения, путем анализа рефлексии человека, его участия в политической жизни страны, а не через принадлежность к классам или общественным объединениям [Скипина, Московкин, 2023]. По их мнению, идентификационные процессы, заданные глобальными трансформациями, идут постоянно, охватывают огромные массы людей и надолго остаются в исторической памяти народа [Скипина, Московкин, 2023].

В этом отношении Булгаков смело пошел на противоречие с официальной линией в вопросе конструирования массовой исторической памяти о Гражданской войне. «Дни Турбиных» в определенном смысле заложили основы по трансформации нарратива о Гражданской войне в России. Этот процесс является сложным и многогранным, отражая изменения в политической, культурной и исторической повестке разных эпох. Эти трансформации можно проследить через призму научных исследований, которые анализируют эволюцию представлений о конфликте в официальной историографии, публичном дискурсе и медиапространстве. В советский период формирование нарратива о Гражданской войне было тесно связано с идеологическими установками власти. Ключевую роль в этом процессе играли институты вроде Истпарта, которые занимались сбором источников, изучением местных особенностей истории революционного движения и Гражданской войны, а также популяризацией материалов в соответствии с официальной линией [Клопихина, 2019].

Основой советского нарратива стал «Краткий курс истории ВКП(б)», где были намечены этапы Гражданской войны, определены враги (контрреволюционеры, опирающиеся на верхушку казачества) и сформированы ключевые риторические фигуры [Головашина, 2020]. В этой версии истории акцент делался на классовой борьбе, где «красные» выступали как силы прогресса, а «белые» — как представители отжившего порядка, поддерживаемые иностранными интервентами. Исследователь В.С. Клопихина отмечает, что в 1930-е гг., с утверждением единоличной власти Сталина, произошли значительные изменения в содержательных аспектах конструирования исторической памяти. Идеологическая парадигма сместилась в сторону усиления культового образа вождя и ужесточения репрессивных мер, что

отразилось и на интерпретации Гражданской войны [Клопихина, 2019]. В современных дискуссиях о Гражданской войне порой сохраняется резкая поляризация мнений. По данным исследований, одним из основных препятствий для примирения является доминирование морального дискурса в суждениях участников дискуссий. Память о войне часто используется как инструмент политической борьбы, а исторические нарративы становятся частью идеологических дискурсов, ориентированных на современную политику. Трансформация нарративов о Гражданской войне отражает не только смену политических режимов, но и глубокие изменения в общественном сознании. От монолитной советской версии, где «красные» были однозначно положительными героями, а «белые» – врагами, до поляризованных постсоветских дискуссий и использования исторической памяти в современных политических спорах – этот процесс демонстрирует, как прошлое продолжает влиять на настоящее через призму интерпретаций и идеологий.

В этом контексте особую ценность для историков приобретают художественные тексты, способные уловить и передать те нюансы человеческого опыта, которые ускользают от официальных хроник. Именно таким произведением и стали «Дни Турбиных» М.А. Булгакова – пьеса, которая не просто отражает эпоху, но и позволяет проникнуть в психологию людей, оказавшихся на переломе времен. В сжатом пространстве места и времени М.А. Булгаков с удивительной точностью воссоздает то, как ломаются и заново складываются представления людей о самих себе – под натиском бурных событий Гражданской войны. Писатель словно берет в фокус тонкую работу сознания: оказывается, принадлежность к тому или иному классу или лагерю – вовсе не главный ориентир для героев. Куда важнее то, что происходит внутри: мучительные раздумья, нравственные терзания, попытки удержаться на ногах, когда почва уходит из-под ног. Персонажи не следуют готовым шаблонам – они ищут, сомневаются, спорят с собой и с другими, заново осмысливают то, что еще вчера казалось незыблемым.

Семья Турбиных и их окружение – это зеркало эпохи. Офицерская честь, верность присяге, святость семейных уз – все это сталкивается с реальностью, которая не укладывается в прежние схемы. Герои вынуждены ежеминутно делать выбор: сохранить верность идеалам или приспособиться к новому миру? При этом ни один ответ не дается легко – каждый шаг дается ценой внутренней борьбы, каждый компромисс отзывается болью. Ценность пьесы для исторической науки трудно переоценить. М.А. Булгаков не просто фиксирует факты и события – он улавливает и передает то неуловимое, что обычно ускользает от хроник и сводок: настроение эпохи, ее дыхание. Страх и надежда, растерянность и упрямая вера в лучшее, отчаянное стремление найти опору – вот что звучит между строк и в паузах диалогов. Через бытовые детали, обрывки разговоров, мелкие, казалось бы, конфликты драматург показывает, как миллионы людей заново определяли свое место в мире.

Эти «маленькие» истории не остаются локальными – они складываются в общую картину, влияют на ход истории. Микропроцессы человеческого выбора, запечатленные в пьесе, помогают понять, почему события развивались именно так,

а не иначе. «Дни Турбиных» — больше, чем попытка переосмыслить трагедию Гражданской войны, это проникновенный рассказ о том, как глубинные социальные перемены начинаются с личного решения, с мужества остаться собой или с готовности измениться. В конечном счете пьеса напоминает нам — история творится не только на полях сражений и в кабинетах политиков — она рождается в сердцах и умах обычных людей, оказавшихся на переломе эпох.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Булгаков М.А. Белая гвардия. Дни Турбиных. Роман, пьесы // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. М.: Голос, 1997. 672 с.

Булгаков М.А. «Мне нужно видеть свет...»: Дневники, письма, документы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 832 с.

Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск: Челябинский Дом печати, 2008. 398 с.

Гаврилов А.В. Сезон 1928–1929 // *Художественный театр после революции. Дневники и записи.* М.: Артист. Режиссер. Театр, 2020. 533 с.

Ганин А.В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М.: Старая Басманная, 2018. 272 с.

Голдин В.И. Взаимоотношения власти и историков в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне в России // *Исторический курьер.* 2024. № 5 (37). С. 125–138.

Головашина О.В. «Как и по всей стране...»: региональный нарратив о Гражданской войне в современных учебниках // *Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. ст. Вып. 3.* Под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество»; Нестор-История, 2020. С. 65–80.

Гришанин П.И. Белое движение и гражданская война: историческая феноменология и историческая память // *Вопросы истории.* 2008. № 2. С. 167–172.

К вопросу о снижении цен // *Программы государственных академических театров.* М.: Кинопечать РСФСР, 1927. 5–11 апреля. № 14. С. 1.

Клопихина В.С. Создание нарратива по истории казачества эпохи Гражданской войны на Юге России в системе советской идеологии 1920–1930-х годов // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения.* 2019. Т. 24. № 4. С. 135–147.

Мишуровская М. В. «Дни Турбиных» в репертуаре советских театров и в публикациях советских периодических изданий (к истории постановки пьесы М.А. Булгакова в 1920–1930-х гг.) // *М.А. Булгаков: pro et contra, антология.* Сост. О.В. Богданова. СПб.: РХГА, 2019. С. 613–637.

Могилевский А.И. Московские театры в цифрах: статистический обзор за 1919/20–1926/27 гг. // *Театры Москвы. 1917–1927: статьи и материалы.* М.: ГАХН, 1928. С. 108.

Поршнева О.С. Гражданская война в России в человеческом измерении: некоторые итоги изучения // *Гражданская война как феномен мировой истории: материалы научной конференции 26 апреля 2008 г.* Екатеринбург, 2008. С. 127–141.

Сенявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // *Отечественная история.* 1995. № 3. С. 7–16.

Скипина И.В., Московкин В.В. Трансформация идентичности как фактор перелома в ходе Гражданской войны (весна – лето 1919 года) в оценке современных исследователей // *Научный диалог.* 2023. № 12 (1). С. 447–466.

Смелянский А.М. Михаил Булгаков в Художественном театре. М.: Искусство, 1986. 383 с.

Трифонова В.В. Конфликты идентичностей в социально-политическом дискурсе Гражданской войны // *Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки.* 2015. Т. 6. № 4. С. 298–302.

Хачатурян Л.В. Булгаков М.А. в поисках революционной пьесы: сценическая хроника «Дней Турбиных» // *Русская литература.* 2021. № 3. С. 249–252.

Шенталинский В. Мастер глазами ГПУ. За кулисами жизни Михаила Булгакова // *Новый мир.* 1997. № 10. С. 167–185.

Щитов А.В. Аудиовизуальная выразительность в пьесе М. Булгакова «Дни Турбиных» // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2007. № 8 (71). С. 81–85.

REFERENCES

Bulgakov M.A. *Belaya gvardiya. Dni Turbinykh. Roman, p'esy* [The White Guard. The Days of the Turbins. Novel, Plays], in *Sobranie sochinenii v 10 tomakh. T. 4.* Moscow: Golos, 1997. 672 p. (in Russian).

Bulgakov M.A. "Mne nuzhno videt' svet...": *Dnevniky, pis'ma, dokumenty* ["I Need to See the Light...": Diaries, Letters, Documents]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2022. 832 p. (in Russian).

Volkov E.V. "Gidra kontrrevolyutsii". *Beloe dvizhenie v kul'turnoi pamyati sovetskogo obshchestva* ["The Hydra of Counterrevolution". The White Movement in the Cultural Memory of Soviet Society]. Chelyabinsk: Chelyabinskii Dom pechati, 2008. 398 p. (in Russian).

Gavrilov A.V. Sezon 1928–1929 [Season 1928–1929], in *Khudozhestvennyi teatr posle revolyutsii. Dnevniky i zapisi* [Art Theater after the Revolution. Diaries and Notes]. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 2020. 533 p. (in Russian).

Ganin A.V. *Ofiterskii korpus v gody Grazhdanskoi voiny v Rossii 1917–1922* [The Officer Corps during the Russian Civil War 1917–1922]. Moscow: Staraya Basmannaya, 2018. 272 p. (in Russian).

Goldin V.I. *Vzaimootnosheniya vlasti i istorikov v kontekste formirovaniya istoricheskoi pamyati o Grazhdanskoi voine v Rossii* [The Relationship between Authorities and

Historians in the Context of the Formation of Historical Memory of the Civil War in Russia], in *Istoricheskii kur'er*. 2024. No. 5 (37). Pp. 125–138 (in Russian).

Golovashina O.V. "Kak i po vsei strane...": regional'nyi narrativ o Grazhdanskoj voine v sovremennykh uchebnikakh ["As Throughout the Country...": Regional Narratives of the Civil War in Modern Textbooks], in *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom* [Teaching Military History in Russia and Abroad: Collection of Articles]: sb. st. Iss. 3. Ed. K.A. Pakhalyuk. Moscow; St. Petersburg: Izdatel'skii dom "Rossiiskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo"; Nestor-Istoriya, 2020. Pp. 65–80 (in Russian).

Grishanin P.I. Beloe dvizhenie i grazhdanskaya voina: istoricheskaya fenomenologiya i istoricheskaya pamyat' [The White Movement and the Civil War: Historical Phenomenology and Historical Memory], in *Voprosy istorii*. 2008. No. 2. Pp. 167–172 (in Russian).

K voprosu o snizhenii tsen [On the Question of Price Reduction], in *Programmy gosudarstvennykh akademicheskikh teatrov*. Moscow: Kinopechat' RSFSR, 1927. 5–11 aprelya. No. 14. P. 1 (in Russian).

Klopikhina V.S. Sozdanie narrativa po istorii kazachestva epokhi Grazhdanskoj voiny na Yuge Rossii v sisteme sovetskoj ideologii 1920–1930-kh godov [Creating a Narrative on the History of the Cossacks during the Civil War in Southern Russia within the System of Soviet Ideology of the 1920s–1930s], in *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. Vol. 24. No. 4. Pp. 135–147 (in Russian).

Mishurovskaya M. V. "Dni Turbinykh" v repertuare sovetskikh teatrov i v publikatsiyakh sovetskikh periodicheskikh izdaniy (k istorii postanovki p'esy M.A. Bulgakova v 1920–1930-kh gg.) ["The Days of the Turbins" in the Repertoire of Soviet Theaters and in Soviet Periodicals (on the History of Staging M.A. Bulgakov's Play in the 1920s–1930s)], in *M.A. Bulgakov: pro et contra, antologiya*. Ed. O.V. Bogdanova. St. Petersburg: RKhGA, 2019. Pp. 613–637 (in Russian).

Mogilevskii A.I. Moskovskie teatry v tsifrakh: statisticheskii obzor za 1919/20–1926/27 gg. [Moscow Theaters in Figures: A Statistical Review for 1919/20–1926/27], in *Teatry Moskvy. 1917–1927: stat'i i materialy*. Moscow: GAKhN, 1928. Pp. 108 (in Russian).

Porshneva O.S. Grazhdanskaya voina v Rossii v chelovecheskom izmerenii: nekotorye itogi izucheniya [The Civil War in Russia in the Human Dimension: Some Results of the Study], in *Grazhdanskaya voina kak fenomen mirovoi istorii: materialy nauchnoi konferentsii 26 aprelya 2008 g.* [The Civil War as a Phenomenon of World History: Proceedings of the Scientific Conference of April 26, 2008]. Ekaterinburg, 2008. Pp. 127–141 (in Russian).

Senyavskaya E.S. Chelovek na voine: opyt istoriko-psikhologicheskoi kharakteristiki rossiiskogo kombatanta [Man at War: An Experiment in the Historical and Psychological Characteristics of a Russian Combatant], in *Otechestvennaya istoriya*. 1995. No. 3. Pp. 7–16 (in Russian).

Skipina I.V., Moskovkin V.V. Transformatsiya identichnosti kak faktor pereloma v khode Grazhdanskoj voiny (vesna – leto 1919 goda) v otsenke sovremennykh issledovatelei [Identity Transformation as a Turning Point during the Civil War (Spring – Summer 1919)

in the Assessment of Modern Researchers], in *Nauchnyi dialog*. 2023. No. 12 (1). Pp. 447–466 (in Russian).

Smelyanskii A.M. Mikhail Bulgakov v Khudozhestvennom teatre [Mikhail Bulgakov at the Art Theater]. Moscow: Iskusstvo, 1986. 383 p. (in Russian).

Trifonova V.V. Konflikty identichnosti v sotsial'no-politicheskom diskurse Grazhdanskoi voyny [Identity Conflicts in the Sociopolitical Discourse of the Civil War], in *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2015. Vol. 6. No. 4. Pp. 298–302 (in Russian).

Khachatryan L.V. Bulgakov M.A. v poiskakh revolyutsionnoi p'esy: stsenicheskaya khronika "Dnei Turbinykh" [Bulgakov, M.A. In Search of a Revolutionary Play: A Stage Chronicle of "The Days of the Turbins"], in *Russkaya literatura*. 2021. No. 3. Pp. 249–252 (in Russian).

Shentalinskii V. Master glazami GPU. Za kulisami zhizni Mikhaila Bulgakova [The Master through the Eyes of the GPU. Behind the Scenes of Mikhail Bulgakov's Life], in *Novyi mir*. 1997. No. 10. Pp. 167–185 (in Russian).

Shchitov A.V. Audiovizual'naya vyrazitel'nost' v p'ese M. Bulgakova "Dni Turbinykh" [Audiovisual expressiveness in M. Bulgakov's play "The Days of the Turbins"], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2007. No. 8 (71). Pp. 81–85 (in Russian).

Статья принята к публикации 11.02.2026